

К 135-летию Саши Черного

Аркадий Вайнер, Эдуард Кузнецов

Враг пошлости

Звезда в честь Саши Черного.
Открыта в 2015 году на Ланжероновской

Парадоксально отношение некоторых знаменитых одеситов к родному городу. Испытывая к нему нежные чувства, они стремились вырваться из него, а вырвавшись, не всегда горели желанием вернуться. Так было с Корнеем Чуковским, с Леонидом Утесовым, да и со многими другими. Так случилось и с Сашей Черным (Александром Михайловичем Гликбергом, 1880-1932) –

одним из самых знаменитых сатирических поэтов России начала XX века. Им восхищались В. Маяковский, А. Куприн, К. Чуковский, его стихи многие знали наизусть, журнал «Сатирикон», в котором он публиковался, многие начинали читать с того, что отыскивали его стихотворения. Он привлекал думающего читателя своим неприятием серых и пошлых будней, ненавистью к самодовольной жизни обывателя.

Саша Черный родился в Одессе в семье провизора, воспитывался среди пятерых детей. Жизнь была несладкой: учился он плохо, из-за неуспеваемости отчислялся из учебных заведений, страдал от семейных конфликтов. Был период, когда он, убежав из дома, скитался и нищенствовал. Может быть, именно мрачные детские впечатления стали причиной его дальнейшего желчного восприятия действительности, легшего в основу его поэтического творчества.

Первое опубликованное произведение он подписал псевдонимом «Сам по себе», который красноречиво указывал на его индивидуальную обособленность. Эта самостоятельность и непохожесть на других просматривалась в течение всей жизни поэта: у него не было литературных учителей, предтеч, вдохновителей. Его сатира и лирика были абсолютно своеобразны. В своих стихах Саша Черный выступал как ненавистник тупого и примитивного существования. Он не оставлял своим оппонентам ни грамма ярких чувств, никакой романтики, никаких светлых душевных порывов:

Мы будем спать и хныкать,
И пальцем в небо тыкать...

В жизни его горячо нелюбимых персонажей раз и навсегда поселились уныние, скука, самодовольство, беспросветное однообразие. Рассматривая, словно сквозь увеличительное стекло, мир пошляков, поэт убеждался в полном отсутствии в нем искренней радости, бодрости, оптимизма: «мы давно живем, как слизи, в нищете случайных крох», «ищем бога, ищем черта, потеряв самих себя», «а вокруг одно мычанье, стоны, храп и посвист лоз». Сатирик видел одни «кривые спины» отвратительных «мутноглазых Акулин»... Воспринимая как данность идиотизм текущей жизни, Саша Черный не видел выхода из этого тупика. И это напугало его до нервного срыва:

...Я завидую каждой отдельной букашке,
Я живу как последний дурак...

Чтобы каким-то образом разрушить оцепенение убогой действительности, он был готов на многое, вплоть до безумств:

...Заболеть бы, что ли, тифом,
Учинить бы, что ль, дебош?

Доходило до того, что практически все элементы обычной (и будничной, и праздничной) жизни, будь то осенний дождик, летняя жара, дачное безделье, светский раут, трактирная выпивка, окрашивались у него в цвета унылые, саркастические, насмешливые. Восторженно описывая пробуждение весны, он не мог не отметить:

...гниет вода,
И пьяных больше, чем всегда.

И любовь в мире пошляков трактовалась Сашей Черным как чувство низменное, будничное, беспросветно однообразное.

И все-таки поэт не был до конца подавлен тупостью жизни своих героев. Он и стихи писал не только для того, чтобы развенчать их, но, может быть, и побудить к каким-то романтическим поступкам:

Ты, читатель, улыбнулся?
Это, милый, все, что надо,
Потому что без улыбки
Человек противней гада!

Нельзя сказать, что всеми читателями однозначно одобрялась позиция Саши Черного. Среди них было немало таких, кого раздражали его постоянные издевки и насмешки. В полупародии, полуэпиграмме И. Игнатьева была высказана масса претензий к сатирику:

Я – неврастеник!
Людишки – брысь!!!
Возьму-ка веник
Да всех вас – хлысь!!!

Я совместил в себе, предавшись пессимизму,
Закат, луну, подтяжки, гром, омлет,
Дыхание весны, моря, китов и клизму...
Я – Гейне, Фердинанд!.. Я – Поприщев, Гамлет!

В миниатюре оказались высмеяны попытки «критической порки» современников, не дотягивающих до критериев сатирика. В ней дано беглое впечатление от стихов Саши Черного: смеси безнадежной грусти с агрессивными нападками, низменного и высокого, характерного, по мнению автора эпиграммы, для людей с неустойчивой психикой.

Собственно говоря, Саша Черный понимал отношение к себе противников и не склонен был опровергать сложившееся у них мнение:

В литературном прейскуранте
Я занесен на скорбный лист:
«Нельзя, мол, отказать в таланте,
Но безнадежный пессимист».

«Литературный прейскурант» – понятие вполне в духе Саши Черного. Вот название его произведений или даже целых стихотворных разделов: «Вешалка дураков», «Стилизованный осел», «Литературный цех», «Пошлость», «Весна мертвецов», «Бурьян»... Кстати, в «Литературный цех» входила масса стихотворений, в которых поэт издевался над литературой текущего времени. Он не был снисходителен к творчеству коллег и клеймил их как вкупе (как авторов и последователей модных тенденций), так и по отдельности (как авторов, достигших незаслуженной известности).

Пародия на писателя А. Рославлева:

Без галстука и чина,
Настроив контрабас,
Размашистый мужчина
Взобрался на Парнас.
Как друг, облапив Феба,
Взял у него аванс

И, сочно сплюнув в небо,
Сел с музой в преферанс.

Пародия на детскую писательницу Г. Галину («Сиропчик»):

Дама, качаясь на ветке,
Пикала: «Милые детки!
Солнышко чмокнуло кустик,
Птичка оправила бюстик
И, обнимая ромашку,
Кушает манную кашку...»

Дети, в оконные рамы
Хмуро уставясь глазами,
Полны недетской печали,
Даме в молчанье внимали.
Вдруг зазвенел голосочек:
«Сколько напикала строчек?»

На писателя В. Гордина («Искусство в опасности»):

Литературного ордена
Рыцари! Встаньте, горим!
Книжка Владимира Гордина
Вышла изданьем вторым.

Отрывки из фельетона на К. Чуковского («Корней Белинский»):

...Ведь ново! Что-с? Акробатично-ново!
Затем – смешок. Стежок. Опять смешок.
И вот – плоды случайного улова –
На белых нитках пляшет сотня строк...

...Надравши «стружек» – кстати и некстати –
Потопчется еще с полсотни строк:
То выедет на английской цитате,
То с реверансом автору даст в бок...

Бессмысленные модернистские увлечения, эпатажные выходы, стремление угодить публике, присущие некоторым литераторам начала века, Саша Черный воспринимал как варианты того же обывательского поведения, характерного для пошляков.

...Я волдырь на сиденье прекрасной российской словесности,
Разрази меня гром на четыреста восемь частей!
Оголюсь и добьюсь скандалезно-всемирной известности,
И усядусь, как нищий-слепец, на распутье путей...

...Попишу животом, и ноздрей, и ногами, и пятками,
Двухкопеечным мыслям придам сумасшедший размах.
Зарифмую все это для стиля яичными смятками
И пойду по панели, пойду на бесстыжих руках...

Интерес к текущей российской литературе не пропал у Саши Черного и после его эмиграции. После революции он жил в Прибалтике, в Берлине, в Париже и осел на юге Франции. К этому времени сатира в его творчестве отошла на второй план, он стал работать больше как лирик, как прозаик, фольклорист и детский писатель. Даже псевдоним свой он изменил, превратившись в Александра Черного.

Несмотря на долгие годы, прожитые за границей, поэт не переставал следить за событиями в Советском Союзе. Однако ненависть к революционному пролетариату сохранилась, и отношение к большевикам не претерпело изменений: «никогда не забуду, никогда не прощу». Эти чувства сказались в восприятии личностей и творчества тех писателей, что остались в России и стали работать на благо советского государства. Известны его эпиграммы на самых популярных литераторов Советского Союза, написанные не то что недружественно, но с явным озлоблением.

На М. Горького:

Пролетарский буревестник,
Укатив от людоеда,
Издает в Берлине вестник

С кроткой вывеской «Беседа».
Анекдотцы, бормотанье, –
(Буревестник, знать, зачах!) –
И лояльное молчанье
О советских палачах...

На В. Маяковского:

Смесь раешника с частушкой,
Барабана с пьяной пушкой, –
Красный бард из полпивной,
Гениальный, как оглобля, –
От Нью-Йорка до Гренобля
Мажет дегтем шар земной.

На С. Есенина:

Автобиография т. Есенина

«Я советский наглый «рыжий»
С красной пробкой в голове.
Пил в Берлине, пил в Париже,
А теперь блюю в Москве».

На А. Толстого:

(«Хождения по гонорарам»)

В среду он назвал их палачами,
А в четверг, прельстившись их харчами,
Сапоги им чистил в «Накануне»*.
Служба эта не осталась втуне:
Граф, помещик и буржуй в квадрате –
Нынче издается в «Госиздате».

---

* «Накануне» – газета просоветской ориентации, издававшаяся в Берлине.

На И. Эренбурга:

Начиркав фунта два страниц
О том, что гайка выше Данта,
Он вывел в вечность всех мокриц
Рекламным слогом прейскуранта.
Увы, как стар сей анекдот:
Чиж пролетал над океаном
И, уронив в него помет,
Исчез бесследно за туманом.

На Д. Бедного:

Военный фельдшер, демагог,
Делец, упитанный и юркий,
Матросской бранью смазав слог,
Собрал крыловские окурки.
Семь лет «Демьяновой» ухой
Из красной рыбы, сплошь протухшей,
Он кормит чернь в стране глухой,
Макая в кровь язык опухший.
Достиг! Советские чины
Ему за это дали право
Носить расстрелянных штаны
И получать пайки удава.

Нельзя сказать, что эпиграммы отличались высокими поэтическими достоинствами: сатира к этому времени уже не была в приоритете у поэта. Но сам жанр эпиграммы требовал острой реакции на обстоятельства, и Черный в полной мере выполнил это требование.

Сатирик чаще всего смотрит на мир глазами скептика и в первую очередь видит минусы там, где они порой не очень заметны. Несомненно, он имеет на это право. Но такое же право имеют и те, что со стороны смотрят на творчество сатирика. К работе Саши Черного с самого начала внимательно приглядывались пародисты. Его яркие, обращающие на себя внимание произведения

не могли не вызвать их интереса. Сейчас можно говорить о целом собрании пародий на творчество Саша Черного. В него входят как сатиры дореволюционного периода, так и пародии советских авторов. Разница в их отношении к пародируемому весьма существенна. Для современников Саша Черный был одним из них и творил на общем литературном поле, что порождало к нему весьма придирчивое отношение. Советские же пародисты (как и вообще советские читатели) были лишены возможности знакомиться с его произведениями (они в Советском Союзе долго не переиздавались), естественно, и писать о нем они не могли, как и о других эмигрантах. Но даже и тогда, когда возможность такая появилась, редкие создаваемые на него пародии не могли иметь откровенно личностного отношения, как раньше. К этому времени изменилось многое: и атмосфера, царящая в обществе, и сами граждане, воспитанные новым государством, и даже понимание задач и приемов сатиры.

Вновь появляющиеся пародии акцентировали свое внимание не столько на тематике стихов Саша Черного, сколько на его поэтической манере. Они все чаще стали включаться в составы различных циклов, когда основное их внимание сосредотачивалось не на внутренних особенностях творчества, а на его внешнем отличии от манеры других авторов. Кто-то из авторов не только внимательно штудировал стихи Черного, но и умел погрузиться в его внутренний мир, а кто-то оказался знаком с его творчеством поверхностно (если не сказать – понаслышке). Если сатирики-современники порой недобро высмеивали Черного (В. Князев, И. Игнатъев, Е. Венский), то потомки всего-навсего имитировали его стиль, не пытаясь оценивать ни достижений, ни просчетов.

Стремление упомянуть о Саше Черном в пародийных циклах привело в последнее время к появлению пародий на него весьма экзотических: это и популярный «Серенький козлик» (Э. Паперная, Т. Блейхер, В. Рубанович), и выдуманные заново сюжеты «Кошки-мышки» (З. Вальшонок), «С легким паром» (М. Медведев), «НТР вчера и сегодня» (Е. Ефимовский), «Обыкновенное Лох-Несское чудо» (В. Рубанович), «Евреи» (А. Кравцов), «О перестройке» (без подписи) и др.

Стихи Саши Черного оказались настолько оригинальны, что пародистам порой оставалось лишь продолжать строчки его популярных произведений. Несколько пародий начинались, как у Черного: «Когда поэт описывает даму...», только вместо дамы подставлялось то, что было удобно пародисту: собака, стадо и т. д. Особенной популярностью пользовались строчки из стихотворения «Под сурдинку»: «Хочу отдохнуть от сатиры...» и «Посыпьте меня нафталином...». Многие перепевы появились на известный стих «Все в штанах, скроенных одинаково...». Из всего пародийного разнообразия, посвященного Саше Черному, пожалуй, только один Василий Князев сумел объединить в пародии и авторский стиль сатирика, и его позицию, и свое собственное отношение к его творчеству («У пейзаж»). Он не побоялся в чрезмерно заостренной форме представить как саму работу поэта, так и ее восприятие простым народом. Не мудрствуя лукаво, он обозвал Сашу Черного «столичным манерным поэтом», а его стихи представил литературным рукоделием, абсолютно чуждым народу. Он вложил в уста поэта фразу, наполненную обидой и непониманием:

...Я пробовал дать им понятие о мире.
На солнечной лире
Бряцал неустанно...
Как странно!
Когда мои струны
Перуны метали,
Они – хохотали!..

Вообще же, среди пародий наиболее часто встречались такие, в которых просто имитировался стиль Саши Черного с его словарем, героями, настроением, ритмикой. До революции отличился Федор Благов:

Без жилетки сижу на террасе я,
Пью какао с братом-матросом.
У соседей идет катавасия –
Муж к жене пристаёт с вопросом.

За заборчиком идут прохожие.
Как мистически странны их крики:
«Вот мозги!», «Картофей!», «Морожено!»,
«Вот цветы – ерани, гвоздики!».

Зашел мальчуган с мартышкойю.
Ах, как вкусен горячий какао!
Вон ползет калека с култышкойю,
Недурно б сразиться в макао.

Идет корова с бубенчиком.
Гляжу на полное вымя!
Хорошо бы вдруг стать младенчиком,
Позабить свою важность и имя!

Вон бродячие парни-сапожники
Приложились к бутылке с лаком.
На террасах засели картежники
И в железку играют со вкусом.

Из советских пародистов то же самое неплохо удалось Матвею
Медведеву (Из цикла «С легким паром!»):

Ревет сынок – побил его папаша,
Намыленный и скользкий, словно спрут.
В сторонке два задумчивых апаша
Друг другу спины беззаботно трут.
Чуть дальше три косматых павиана –
Шатен, блондин и крашеный брюнет –
Глядят сквозь щель, как бонна Марь Ивана
С себя снимает платье и корсет.
Прочтя газету, бородатый банщик
Сидит за стойкой с видом паука:
«Гучков из Думы – форменный обманщик!»
...И сырость капает слезами с потолка.

Пародии и Благова, и Медведева – чисто имитационные, юмористические, не несущие никаких сатирических или оценочных мнений. Они напоминали об оригинальном авторе с особой манерой по-своему видеть окружающее. В них подчеркивалось: Саша Черный был художником, способным мастерски создавать бытовые (но одновременно и философские) зарисовки – видимые, осязаемые, хорошо запечатляющиеся в памяти. Надо сказать, что, конечно, далеко не все имитации сумели похоже воссоздать стиль или общую манеру Саши Черного. Очень многие из них скользили по поверхности, не достигая необходимого эффекта. Не повезло авторам, разрабатывавшим тему «Жил-был у бабушки серенький козлик...». Ни классическая интерпретация Э. Паперной из «Парнаса дыбом», ни тщательно проработанная тема иронического побега из города на лоно природы у В. Рубановича, ни цитатная переделка Т. Блейхер не породили ощущения прикосновения к поэзии сатирика, несмотря на подразумеваемые параллели.

Но бывали и другие примеры. Евгений Венский, тщательно препарируя книгу Саши Черного «Сатиры», не только оснастил свою пародию цитатами из разных ее стихотворений, создав некое попурри, но еще и высмеял автора с позиций стороннего наблюдателя.

...Ай, держите! Ой-ой-ой!!
Брякнусь вниз на мостовую
Ошалелой головой.
Отбой! Отбой!..
Ай, рятуйте! Ой-ой-ой!..
Отречемся от старого мира!
И полезем гуськом под кровать!..
Это Черного Саши «Сатиры»,
Издание Корнфельда. Цена рубль двадцать пять.

Одной из центральных тем творчества Саши Черного были взаимоотношения мужчины и женщины. Как сатирик и враг пошлости он многократно описывал их в издевательских тонах,

с брезгливой насмешкой и порой с явным отвращением. Вошедшую у модернистов моду на эротику он высмеивал постоянно:

Пришла Проблема Пола,
Румяная Фефела,
И ржет навеселе...

Любовь у Саши Черного – это соединение разнополюх людей без глубоких чувств (а порой и без симпатии), примитивный бытовой контакт сексуально озабоченных обывателей. Никакой романтики в такой любви поэт не хотел видеть и относился к ней с презрением:

...Мимо шлялись пары пресных обезьян,
И почти у каждой пары был роман...

Неудивительно, что пародисты не прошли мимо любовной темы. Две пародии И. Южанина и пародия В. Рубановича были построены целиком на эротических мотивах, но сделано это по-разному. У Рубановича – игриво, с немалой дозой юмора (соблазнение монстра Лох-Несским чудовищем), у Южанина – не только приземлено, но просто грубо. И если пародия Рубановича по своему строю и содержанию как бы «вытекала» из стихов Черного и даже продолжала их, то пародии Южанина во всем противостояли им. Они были построены на мотивах, почудившихся пародисту, а вовсе не присутствовавших в стихах поэта. Обе пародии базировались на стихах, не вошедших в сатирические книги Черного. Стихотворение «Оазис» было написано уже в эмиграции и содержало описание отдыха на литовской мызе с комическими деталями переедания, ленивой беседы, чтения и дремоты. Южанин переосмыслил безобидные строки Черного, навязав пародии новый поворот:

...Мы не пойдем с тобой в поля,
На ель не прыгнем росомахой:
Как паруса у корабля,
Надулось что-то под рубахой.

Не заберемся на скалу,
Как антилопы или козы, –
Мы изовьемся на полу
В невероятнейшие позы...

Как говорится, у кого что болит... Не случайным было и обращение Южанина к стиху «Устарелый». В нем эротика Черного была насквозь пронизана лукавым юмором и безгрешной чистотой. Однако в пародии ничего подобного ощутить невозможно, в ней все примитивно, обыденно, грубо и даже непародийно:

Развяжи концы платочка,
Распусти свои власа.
Проведи со мною ночку,
Обнажи-ка телеса...

Полутона стихов Черного полностью исчезли в механически составленных антиподах.

Еще одна тема для пародий, о которой нельзя не упомянуть, возникла сравнительно недавно. Современные пародисты посчитали, что поэт с фамилией Гликберг никак не мог не затронуть вопроса, связанного со своей национальностью. Так оно и было: Саша Черный писал об антисемитах, в стихотворении «Юдофобы» у него есть такие строки:

...Тогда отчего же из ста юдофобов
Полсотни мерзавцев, полсотни ослов?

Но не эти строки вдохновили пародистов. Два современных сатирика каждый по-своему затронули еврейскую тему в пародиях на Сашу Черного. Если в пародии З. Вальшонка о кошке в немецком доме (из цикла «Кошки-мышки») тема оказалась обозначена одной проходной строкой, не имевшей ни продолжения, ни развития:

...Там орали навзрыд среди мглы и безлюдья:
«Бей мышей!», а мне слышался крик: «Бей жидов!»...

то в пародии А. Кравцова из цикла «Как могли бы отразить еврейскую тему разные авторы» она препарировалась как возможный вариант стихотворения Саши Черного:

Хочу отдохнуть от сатиры,
Чем юмор, по-вашему, плох?
...Залез людоед в квартиру,
Где жил себе Меир Блох.
Но целым остался Меир,
Его пощадил каннибал,
Он был юдофоб и евреев
Не пе-ре-ва-ри-вал!

Трудно сказать, как бы отнесся Саша Черный к такому невеликому каламбуру, но он прекрасно понимал, что у сатиры свои законы, и каждый автор пишет по-своему. Важно, чтобы пародии писались и самим фактом своего существования подтверждали востребованность творчества пародируемого. Если пародисты не забывают стихи автора, жившего сто лет назад, значит, в них немало того, что перекликается с современностью. У Саши Черного в стихах все знакомо, все узнаваемо, у него можно найти строки про перестройку, про навязчивую рекламу, про засилье низкопробного чтива («сюжет из пальца, немного сальца»), про расплодившихся эстрадных пошляков, про порочный тематический круг газетных публикаций... Значит, он современен, значит, надо его читать и сверять по нему время и нравы, тенденции и природу человека.

